

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

ВЛ. МИТИН

УЖАСНЫЙ РЕБЕНОК

Читателям, общественности и Гагаринскому РУВД гор. Москвы
МИТИНА Владимира Васильевича, спецкора «Крокодила» с 1962 года, автора пяти книг, женатого, имеющего двух детей

Объяснительная записка

Есть авторы, заявляющие, что они уже с детства были подвержены сатире и критиковали старших в детсадовских и школьных стенгазетах. За это они своевременно сурово и справедливо наказывались родителями и начальством.

В отличие от этих критиканов я, Митин В. В., начал заниматься фельетонами в зрелом возрасте. Изъездил почти всю Родину, а также ряд зарубежных стран. При исполнении служебных обязанностей был бит градом, сечен ливнями, притесняем верблюдскими горбами, третируван проводниками, стюардессами и гоним гостиничными администраторами. Не пью, не играю в карты на деньги, почитаю старших. Несмотря на то, что продолжаю заниматься сатирой, тяготею к незлобивой улыбке.

Приложение: сборник юмористических рассказов.

Дружеский шарж А. КРЫЛОВА

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 9

ВЛ. МИТИН

**УЖАСНЫЙ
РЕБЕНОК**

РАССКАЗЫ

Рисунки И. СЫЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА 1976

МОЕ ОТКРЫТИЕ ФУТБОЛА

Когда я приезжаю куда-нибудь, меня всегда спрашивают, не знаком ли я с Капличным.

— Нет, — злобно отвечаю я. — А что?

— Ну, а с Копейкиным? — не умолкает собеседник. — Или вот Хадзипанагис?

— Копейкин? — бледнею я. — Хадзипанагис? Нет, пожалуй, не знаю...

После этого интерес ко мне в обществе категорически падает, а когда вечер кончается, все уходит, стараясь не подать мне руки. Будто я болен каким-либо инфекционным заболеванием. Мало-помалу меня начали бойкотировать даже ближайшие друзья. Человек, не отличающий стоппера от диспетчера, представляется им по меньшей мере скотиной. И даже, по мнению наиболее радикальных, «богом ушибленным». Ха-ха-ха!..

В конце концов я решил пойти на стадион посмотреть что к чему. С трудом втиснувшись на свои два квадратных сантиметра трибуны, я очутился между вихрастым пареньком и беспокойным мужчиной в панаме.

— Матч века, — пропыхтел толстяк, ставя пудовый ботинок на мою ногу.

— А кто сегодня играет? — спросил я.

Толстяк посмотрел на меня с подозрением и даже отодвинулся, насколько позволяло место, а потом спросил:

— А вы кто сами будете? Откуда?

Я ничего не ответил, так как сзади громко сказали:

— Эй ты, козел в очках, сними шляпу!..

Я посмотрел по сторонам, стараясь угадать, к кому обращены эти мужественные слова, но в это же самое время по мне ударили чем-то невыносимым. Я думаю, зонтиком. На секунду я лишился чувств, а когда очнулся, увидел, что моя шляпа, превратившись в подобие кепи без козырька, валяется где-то под скамьей, среди плевков и окурков.

Впрочем, я почувствовал, что на трибуне стало малость свободней: парень с вихрами куда-то исчез. «Ну и господь с ним, — кротко подумал я. — Легче будет».

Я оглянулся туда-сюда и с радостью заметил по соседству изящную, милovidную девушку, трепетно перебиравшую розовыми пальчиками свой платочек. «Как хорошо, — подумал я, — хоть она немного облагораживает здешнее окружение...»

Девушка привстала и каркнула:

— Судью — на мыло! Расстрелять его, подлеца!

Раз-раз, она быстро развернула платочек, в котором оказалась увесистая картофелина, и, закричав, метнула ее в сторону гаревой дорожки. Не зная, попала ли она в судью, но кто-то внизу, стаяя, потирал макушку. Я поискал глазами милиционера. Ага, вот он, обрадовался я. Пробирается к нам между рядами.

За милиционером поспешал мой исчезнувший сосед, вихрастый парнишка.

— Этот, — ликующе заявил парень. — Хватайте его, дяденька милиционер.

— Документы! — потребовал сержант.

— Я тут ни при чем, — запротестовал я. — Это она бросила нечищеную картошку!..

Милиционер досадливо махнул рукой, тщательно сверяя фотокарточку в паспорте с моей физиономией.

— Фальшивый, — заметил парень из-за спины милиционера. — Он вражеский разведчик, дяденька! Не знает, кто сегодня играет...

— Какой еще разведчик?! — возмутился я. — Дайте на футбол посмотреть!..

— Ну, ладно, — зловеще сказал милиционер. — Смотрите.

Он посверлил меня глазами и ушел, ловко увертываясь от яблочных огрызков, кулчков и банановых корок, летевших в сторону поля. Парень снова втиснулся между мною и толстяком, и я наконец-то спокойно взглянул на поле. Правда, в эту же секунду раздался всеобщий громовой вопль. Толстяк вскочил и долго танцевал румбу на моих ногах. Девушка рыдала. Вихрастый конвульсивно вцепился в мою шевелюру.

— Гол! — орали они. — Гол!

Толстяк плюхнулся на место, утирая лоб.

— Жарко, — сказал он, — не желаете ли просвежиться?

Его лицо сияло. Он достал из кармана бутылку «Ситро» и поделился со мною. Я сделал глоток, еще глоток, еще. Клянусь, напиток толстяка не был похож на водичку... После этого мне все очень понравилось.

Для начала я чуточку придушил своего соседа слева. Затем я вырвал бутылку у толстяка и долго с ее помощью рубил чью-то лысину, мерцавшую впереди.

— Во дает! — восхитился кто-то сзади. — Свой парень, настоящий болельщик!

Я вместе со всеми скандировал: «Оф-сайт! Оф-сайт!» — хотя с непривычки, наверное, произносил «овца, овца!» Теперь мне это было все равно. Я пел вместе со всеми и плясал на чьей-то согбенной спине. Помнится также, что мы дружно разнесли в щепки несколько скамей, а на прощание подожгли стадион.

...Я пишу эти строки, пользуясь утренними лучами солнца, пробившимися сквозь решетчатое окно в моей новой обители. За эти пятнадцать дней и ночей я должен решить: идти ли мне на хоккей?

УЖАСНЫЙ РЕБЕНОК

В воскресенье мы бежали с женой под холодным дождем мимо дома Витьки Кошелева, моего сослуживца. Хороший товарищ, семьянин, член товарищеского суда. Правда, строговат, я бы даже сказал, несколько аскетичен.

— Давай зайдем, — предложил я подруге жизни, — погреемся. Конечно, насчет «маленькой» у него ни-ни, сухой закон, но чайком горячим побалуемся. Зайдем! Вот обрадуется... Он тут недавно даже с обидой какой-то говорил, журил нас: «Что же вы, чучелы, не заглянете, игнорируете товарища... Нехорошо это, не по-общественному...»

— Неудобно, — стуча зубами от холода, кокетничала жена, — нагрянуть этак экспромтом, не позвонив. Посмотри, у меня нос не посинел?

— Как стиральный порошок,— проскрежетал я, отбивая «ча-ча-ча» на трюгаре.— Бежим. Нагрянем к Кошелеву.

Через несколько минут мы стучали и звонили в дверь Витькиной квартиры.

— Кто там? — тоненько спросили из-за двери.

— Откройте! — сказал я.— Это друзья Виктора Кошелева.

— Подождите,— отозвался голосок,— я табурет принесу, а то не достаю.

После долгой возни, шебуршания и лязга дверь отворилась. Потирая ногу, на табурете стоял мальчик лет шести.

— Ну, здравствуй,— сказали мы.— Как тебя зовут?

— Саша,— буркнул мальчик.— Здоровеньки булы. Пузырек принесли?

— С ментоловыми капельками? — сюсюкнула жена.

— Ага, с каплями молочка от бешеной коровки,— сказал мальчик, унося табурет на кухню.

Несколько шокированные, мы вошли в комнату и сели на тахте. Тут же появился Саша. Он нес тарелочку с огурцами.

— Вот,— сказал Саша,— выпьем на нервной почве.

— Как? — опешил я.— Как это на нервной почве?

— Не знаю,— ответил Саша.— А можно еще на базе технического прогресса.

— Скажи-ка,— растерялись мы,— ты сказал «на базе»?

— Угу.— Он кивнул.— Это когда самогон два раза пропускают через аппарат новой конструкции. Получается отличный первач.— Саша щелкнул себя по горлу тонким указательным пальцем.— Вы посидите, а я пока в солдатики поиграю.

— Давай, давай,— приободрился я.— В солдатики — это очень хорошо...

Мы немного отходили от холода, туманчик в наших головах мало-помалу рассеивался. Саша что-то передвигал на маленьком столике, бормоча под нос. Я прислушался.

— Не ходи одна,— произнес Саша громче,— а ходи с провожатой... Раз, два, три. Как же ты ходишь, сучья лапа? С трейфей надо ходить, с трейфей!

Привстав, я увидел на столике трех оловянных пехотинцев, стоявших навтыжку перед кучками замызганных игральных карт.

— Ты никак пасьянс раскладываешь? — изумилась жена.— Где же ты научился?

— Без двух,— продолжало дитя, увлеченное игрой.— Иван Егорыч, ты играешь, старина, как совершенный сапожник. Да-с. И фунт прованского масла!

Мы снова похолодели. Посовещавшись шепотом, мы решили позвонить другим знакомым, жившим неподалеку, и посидеть у них.

— А на кладбище все спокойненько,— запел Саша, раскладывая карты,— от общственности вдалеке... Все культурненько, все пристойненько...

Я вздрогнул и, оглядываясь, набрал номер.

— Привет,— сдавленным голосом сказал я.— Это Дмитрин говорит. Можно к тебе зайти?

— И закусочка на бугорке! — пронзительно закричало дитя.— А я знаю, кем вы работаете. Вы Дмитрин, да? Вы самый первый на работе, да?

— Ну,— я положил трубку, радуясь такому обороту разговора,— наверное, не первый, но...

— Первый, первый, первый! Дмитрин — первый аферист в управлении...

Мы опротясь выбежали в переднюю.

— Давить надо таких, как Дмитрин! — донеслось из комнаты.— Заходите вечером — дрызнем, дерябнем!

Мы неслись по лестнице, а из квартиры еще слышалось:

— По маленькой, по маленькой, чем поят лошадей...

В подъезде мы чуть не сбили с ног Кошелева-старшего. Сашин папа расставил широко руки со свертками и бутылками и пошел на нас врукопашную, но вдруг остановился, спрятал покупки за спину и сладко сказал:

— Друзья! Ко мне? Благодарю, благодарю. А я вот только с семинара, с лекции в университете культуры. Шел и все думал: вот бы Дмитрины на огонек завернули. Но куда же вы?! А? Зайдем. Чайку выпьем. Или партию в шахматы, а? В лото можно...

Я хотел дать ему по зубам, но воздержался. Как-никак общественник, член товарищеского суда. И суров, суров, каналья...

ПЛЕВОЕ ДЕЛО

Ухаживая за своей будущей женой, я поклялся построить ей замок... Он оказался воздушным: из стен дуло, все трубы текли, а потолок дал трещину глубиной с ущелье Аламасов.

— Н-да, братцы,— сказал, танцуя в одних носках на нашем новоселье, мой давний друг, тогда еще совсем молодой Вик Ховрин.— Паркетик ваш отциклевать бы не мешало...

Вик тут же дал слово хоть завтра лично заняться циклевкой, но просил подождать, пока съездит в Кушку за каракулевыми шкурками для Мелконяна. Шкурки обещал достать его старинный знакомый. Увы, знакомый отбыл из Кушки как раз перед приходом Ховрина. Тогда Вик подался на якутские прииски, где Алик Кошкодаенко сулил ему золотые горы, а когда вернулся, срочно стал подыскивать для себя хотя бы какую-нибудь работенку...

— Для меня это пара пустяков,— сказал я Вику в Доме драмработников.— Можешь считать, что с завтрашнего дня ты режиссер творческого объединения «Око».

— Шикарно,— сказал Вик и погладил косы моей дочери.— Сколько тебе лет, киска?

— Семь,— буркнуло дитя, исподлобья рассматривая нафталиновые блестки на дедморозовской шубе Ховрина.— Борода настоящая?

— Конечно.— Вик похлопал огромными рукавицами и закричал: — Дети, дети, встаньте в круг, встаньте в круг!..

Позже мы с ним пили сок в буфете ресторана «Краката». Вик очень сдал, но бодрился и еще бросал взгляды на молоденькую барменшу. Под ее ресницами реяло северное сияние.

— Нимфа,— пробормотал Вик, стряхивая апельсиновые капли со своей старенькой швейцарской ливреи.— Таким хорошо говорить, что можешь помочь сняться в кино... Кстати, как твоя дочь? Я помню, как ты приводил ее на елку, когда я еще подвизался дедом-морозом...

— Сдает экзамены на факультет журналистики,— сказал я.— Алик обещал стопроцентное попадание. Ну, а как все-таки с циклевкой? Помнится, ты заверял, что...

— Плюнь ты на свою циклевку,— поморщился Вик.— Хочешь, Мелконян хоть сегодня поможет тебе пристроиться в ЖСК «Председатель». А ты бы ему оказал помощь по линии гаража...

— Плевое дело! — воскликнул я.— Немедленно позвоним ему.

Мелконян сказал, что с кооперативом вопрос можно считать решенным, а я обещал пока поставить его машину в детсад имени Емельяна Пугачева. Как только эту машину продаст ему по доверенности Алик Кошкодаенко. Кроме того, Мелконян спросил, не хочу ли я дать ему мою пьесу. Он передаст ее в Средний театр, где ее поставят на другой же день...

— Только ты мне обязательно позвони. Хорошо?

Я сказал, что позвоню завтра утром, но вышло так, что он сам мне позвонил.

— Ну что,— сказал Мелконян.— Едем к Алику? Как-никак два года прошло с тогдашнего разговора. Пора, пора садиться за руль...

— Боюсь, что сегодня не смогу, — ответил я. — Завтра у дочки защита диплома в торфяном техникуме.

— Чепуха! — заявил Мелконян. — Так или иначе я берусь ее устроить в лучшее место... Едем к Алику.

Алик лежал, удобно обложенный резиновыми подушками. Из кухни доносился запах кутьи. Родственники потихоньку снимали входную дверь с петель.

— Тсс, — прохрипел Алик. — Доверенность уже составлена. Дайте мне только собраться с силами... Мне бы путевку куда-нибудь!

— Пожалуйста! — сказал я. — Вик хоть сейчас достанет тебе курсовку в пансионат «Кресты». Он теперь какая-то важная птица в минздраве. Недаром он и меня обещал поместить в институт лечебного отоощания.

Я добрался до Вика только к вечеру. Не было мелочи на трамвай, и я шел пешком. Очень кололо в боку, я сел на скамейки и вспоминал, зачем я к нему иду... Забавно, не правда ли? Я все чаще забывал простейшие вещи — застегнуться или свой адрес, но это меня, как видите, забавляло. Ховрин тоже долго не мог вспомнить, зачем он, собственно, меня пригласил.

— Ах, да, — сказал Ховрин. — Как твоя пьеса? Какая? Да ты постарайся вспомнить...

— Бог с ней, с пьесой. — Я запил таблетку. — Мелконян определенно взялся напечатать мой роман в «Письмовнике».

Вик поставил пластинку на проигрыватель, комната наполнилась щемящими сердцем аккордами. Это была пьеса «Свист раков», немного формалистическая, но душевная. На прощание я обещал Виду лунный камень, а он мне птичьего молока от язвы.

— Привет Мелконяну, — сказал Вик. — Скажи ему, что я не забыл про обещанные крокодиловы слезы против облысения...

Я встретил Мелконяна на станции «Институт». Между мной и соседом по лавке было место, куда мог сесть с ногами пятилетний ребенок. Было душно и пахло метрополитеном. Мелконян сел между мной и соседом, снял кепку, большую, как летающее блюдо, и прожужжал:

— Лышину жакрываю. Вик послезавтра принесет дивное шредство — «Иллюзия». Говорят, тебя можно пождравить ш внуком? Кштати, почему ты такой тучник? В твоём возраште это вешма чревато...

Очевидно, где-то он прав, думал я, выходя на берег Москвы-реки. Ничего, не сегодня-завтра Вик устроит меня в институт лечебного отоощания. Тут я сильно наклонился под порывом ветра и упал в реку.

— Кого я вижу! — раздался голос сверху. — Что ты там делаешь?

Это был Вик. Он прогуливал большую чужую собаку, похожую на человека.

— Спаси же! Протяни мне руку! — булькнул я в первый и последний раз.

— Сейчас вызову спасателей, — обещал Вик. — Продержись еще немного...

Я открыл глаза и увидел, что стою в очереди к массивным воротам. Из-за ворот слышалась красивая, просто-таки райская музыка. Два старика хлопотливо сортировали очередь: одних пускали в ворота, других — нет.

— Какими судьбами? — воскликнул проходивший мимо Алик. — И зачем ты стоишь в очереди? Так ведь можно простоять до страшного суда... Подожди, я замолвлю за тебя словечко Гавриилу!

Тут я понял, что рая мне не видать...

ХЕРУВИМОВ 2-Й

(Пародия)

У меня какие-то бандиты свинтили дверную ручку. Самым подлым образом. Я оделся и пошел в пятое отделение милиции.

Прихожу и чувствую, что вроде бы не туда попал. С одной стороны, все на месте: сапоги, протоколы. С другой стороны, откуда-то слышится неземная музыка, и на лицах милиционеров разлито как бы благоговение.

Рассказываю дежурному об инциденте, называю адрес: Собачий тупик, дом 6, квартира 3. Дежурный сочувствует:

— Непорядок. Пройдите к Серафиму Петровичу 2-му, в уголовный розыск.

Серафим Петрович встретил меня радушно:

— Присаживайтесь. Только наперед договоримся: о себе я ничего рассказывать не буду. Я человек редкой скромности. О моей скромности даже написано в очерке — в журнале «Праведник».

Что за чушь, думаю. У человека ручку свинтили, а милиция про какие-то очерки. Но, может быть, сейчас так принято? На всякий случай говорю:

— У меня ручку отвинтили.

Херувимов 2-й подумал минуты три и сказал:

— Это Лешки Пальцева работа. Секундочку.

И точно: через секунду принес дверную ручку.

— Ну и ну,— говорю.— Ловко. Как это вам так удается? И почему у вас фамилия с цифрой?

— А-а,— смеется,— дело в том, что после появления в свет очерка «Всюду жизнь» у нас в отделении оказалось сразу пять Херувимовых. Чтобы не путать, руководство разметило нас по номерам: Херувимов 1-й, Херувимов 2-й и так далее...

Следователь достал из стола фотокарточку.

— Кто это, по-вашему?

— По-моему, обезьяна. Горилла.

— Нет, это и есть Лешка Пальцев. Три кражи со взломом и пять разбойных нападений... Но какая душа, какие тонкие, интеллигентные пальцы! Какой гениальный скрипач пропадает в Лешке!..

Серафим Петрович вынул батистовый платочек и прижал его к глазам. За спиной следователя послышался шорох. Я обомлел: на лопатках милиционера сквозь мундирное сукно прорезывались миниатюрные крылышки. Я протер глаза, и крылья исчезли.

— Знаете что? — проникновенно сказал Херувимов.— Вы посидите, а я на минуточку отлучусь.

— Далеко? — спросил я, чувствуя за этим ~~комшарную~~ деталь из его профессиональной жизни.

— Нет,— пояснил следователь.— Мы тут с сыщиком Литургийским выращиваем герань на общественных началах. Сегодня моя очередь поливать. Мы бы и рады не выращивать, да в одной очерке уже написано, что выращиваем.

Серафим Петрович удалился. В полуоткрытую дверь влетели божественные звуки. Это замначальника по паспортному столу играл Дебюсси на фисгармонии. Серафим Петрович вернулся через несколько секунд.

— Полил! Думаем также гортензии посадить в камере предварительного заключения. Это нам Матфей Лукич из ОБХСС подсказал.

Я вдруг увидел над головой Серафима Петровича красивый золотой круг.

— Это нимб,— потупился следователь.— Растет и растет. То же после одного газетного репортажа. Хорошо еще, я в штатском хожу,— под шляпой можно спрятать. А попробуйте в форменной фуражке... Иоанн Магдалиныч из караула совсем замучился после того, как про него статью написали... Однако пойдёмте, я вам ручку помогу донести...

Мы пошли по коридору. В «дежурке» патрульный взвод репетировал на арфах «Болеро» Равеля.

— Готовятся к приходу корреспондента, — объяснил Серафим Петрович.

Когда мы очутились на улице, от столба отделилась какая-то фигура и алчно пошла нам навстречу.

— Погибли, — сказал следователь. — Лешка Пальцев. Какую нам.

— А вы его приемом самбо! — крикнул я, навостряя лыжи.

— Разучился, — слабым голосом отвечал следователь. — Вся сила на интервью с очеркистами ушла...

Я с ужасом услышал какой-то хруст и обернулся. Пальцев снимал со следователя сапоги.

— Не человек ты, Лешка! Серость тебя сгубила, — говорил рецидивисту Серафим Петрович. — Сразу видно, не подписан ты на журнал «Литературное ревю». Ну, подожди, я тебя подпишу... Дождешься ты у меня.

Я бежал под животное урчание рецидивиста. Задыхаясь, примчался я к постовому милиционеру, краснощекому здоровяку.

— Эй, товарищ! — закричал я. — Вы на арфе можете? Дебюсси знаете?

— Кого? — зарычал постовой, приплюхиваясь. — А вот я вас...

— Да нет, — кричу, — я не выпивши! Там вашего Херувимова раздевают!

Милиционер поправил кобуру и сажеными прыжками ринулся к Херувимову.

«Слава богу, — думал я, идя домой, — хоть этот не очерковый».

Принес домой ручку, прищандорил к двери, а тут звонок из отделения.

— Очень извиняемся, — говорят, — но ручка эта не ваша.

— А чья же?

— Очеркиста. Вашего однофамильца. Он живет в квартире № 3-а. Мы подумали, что вы — это он.

Положил я трубку на рычаг. Стук в дверь. На пороге стайка несовершеннолетних.

— Простите, — говорят, — дяденька! Это мы вчера у вас ручку унесли. Для выполнения плана по металлолому. А сегодня мы ваш очерк прочитали, и стало нам мучительно сты...

— Нет, нет, друзья мои, — сказал я. — Ручку вместе с повинной несите в квартиру № 3-а. Там живет большой специалист по этим вопросам.

Я показал им дорогу, а вечером врезал в дверь еще один замок и привесил цепочку.

СКОЛЬКО СТОЯТ ФРУКТЫ?

Клава Сундукова, отдыхающая в санатории «Над вечным покоем», еще раз вздохнула и взялась за перо. Она собиралась написать письмо уже целую неделю, но то не оказывалось под рукой бумаги, то мешали санаторные процедуры. Кроме того, Вадим Николаевич Кубизьмов хищно следил за каждым ее поступком. Сейчас он принимал грязевую ванну, а соседки по палате ушли завиваться...

«Дорогой Петя», — начала Сундукова и задумалась. За эти десять дней и так довольно поблекший Петин образ совсем обесцветился... Наверное, он уже приехал домой и кормит Сережку. Стремительно заглотав склеившиеся от анархической варки пельмени, муж и сын прилипают к телевизору. Положение «вне игры»!.. Аут. Какая тоска. Вадим не заставил бы ее выслушивать бормотание комментатора об ударе выше ворот. Он умчал бы Клаву на концерт в парк культуры, на просмотр индийского кинофильма...

Клава поставила вопиющий восклицательный знак и продолжила: «Питание здесь хорошее. Каждый накануне может выбрать себе обед на завтра...» Тут Сундукова вспомнила, как позавчера они с Вадимом Николаевичем ездили в кафе «Расплата». Из боязни остаться с Вадимом в недвусмысленном одиночестве Клава привезла с собой Галю и Тоню из Стерлитамака. С внезапно нахлынувшей нежностью Клава увидела, как пришедший в неопишуемую ярость Кубизьмов и виду не подав, только страшно заиграл желваками на мужественных скулах... Какой характер...

А Петр? Она представила себе сутулую спину, пузыри на коленях и бороду, которую он безуспешно пытался отпустить. Ах-ах-ах... А должность? Ассистент кафедр мелких грызунов без шансов на скорую защиту. Но сегодня она все это выскажет. Да. Пусть на бумаге. Он должен понять, что мужчина — это боец, что за счастье нужно сражаться, а не обсуждать с Сережкой положение «вне игры»...

Ах, как взял Вадим Николаевич за плечо подвыпившего посетителя, то и дело порывавшегося пригласить Клаву на танец в «Расплате». Как выговорил ему, и тот глаз на них поднять не смел... Только запел тенором: «Если бы парни...»

«На завтрак, — написала Клава, — вчера и сегодня давали омлет, зато на третье была клубника, а в полдник дают ватрушку с какао...»

Клава попробовала вообразить, что сейчас происходит в далеком и неотвратимо остывающем семейном очаге. Сережа сел за уроки, а Петр ушел на кухню и бессмысленно рассматривает английскую статью о беременности сусликов. Тоже, называется, переводы, сверхурочная работа... Понятно, вот он уже ложится на диван в чем есть, в брюках, и закрывается «Футболом и хоккеем». Ну, разве можно быть таким незначительным! Вадим всегда подтянут: еще бы, испытатель! Что именно испытывает, он не говорит, но, наверное, что-то очень серьезное...

Впрочем, сегодня он хотел рассказать ей о себе.

Приглашая ее перед грязевыми ваннами в ресторан на вечер, он посмотрел на нее очень многозначительно и сказал, что этот день особенный, что сегодня они многое должны понять. Боже, как он взял ее под руку, когда они выходили из столовой... Нет, нет, нет, нужно быть смелее, нужно обо всем написать Пете. Это будет по крайней мере честнее. И написать сейчас же.

«Чуть не забыла, — вывело перо Сундуковой, — вчера в третьей палате у Шуры из Подмосковья украли «платформы» и две кофточки. Все грешат на электрика, который предлагал кофточку сестре-хозяйке за пять рублей...»

Тут мысль Сундуковой вновь вернулась в сегодняшнее утро. Как он говорил... Тихим, но таким проникновенным голосом: «Не пугайтесь, Клава... Но я должен встретиться с вами наедине. Приходите одне, без напарниц. Я знаю, что вы не поняты в вашей жизни, и, быть может, я один способный разделить ваши чувства...»

Не понята! Как это верно, вздрогнула Сундукова, прижимая к вискам похолодевшие пальцы. Да, Петр не понимал, не понимает и не поймет. И нынче она просто должна раскрыть ему глаза на все.

«Ты даже не поймешь, — сильно налегая на авторучку, написала Клава, — как подешевели здесь фрукты. Представь, что абрикосы стоят всего 60 копеек за один кг. Я купила четыре кг и завтра отправлю посылку, хотя боюсь, что фруктовых посылок не принимают...»

«Не то, все не то», — с ужасом подумала Клава и быстро написала: «Персики здесь тоже очень дешевые, а винограда пока нет. Если будут груши, наверно, привезу с собой».

«Куда привезу?» — смятенно задумалась Сундукова. И только тут с мрачным, сатанинским отчаянием поняла, что находится на роковой черте, на грани решения, которое перевернет всю ее жизнь, их жизнь. «Сегодня или никогда», — решила она и добавила: «Дынь и арбузов не будет, но грецкий орех, а также алычу я куплю обязательно».

«Все! — поняла Клава. — Я пропала». «А картошка молодая почти задаром, на рынке полно моркови, петрушки и сельдерея...» И рука Сундуковой твердо начертала на линованном листочке: «Также передай привет тети Лиды, Боре и Манечке. Целую, ваша Клава».

Она послонила конверт и написала адрес: «Заречная, 7, Петру Сундукову». Ну и фамилия, с негодованием осознала Клава в первый раз за совместное существование. И еще, представляясь новым знакомым, он делает ударение на втором «у». Так пусть же...

Клава взяла конверт, посмотрела на себя в зеркало, глубоко вздохнула и отправилась к почтовому ящику, что висел у столовой.

Она шла медленно, как идут к пропасти. «Батюшки, — пронеслось в ее голове, — но ведь это произойдет сегодня!» Что «это», она не знала, но что-то должно было произойти. И пускай, пускай. По крайней мере Вадим Николаевич знает ей цену. Как он сказал ей? «Вы, Клавочка, необыкновенная женщина».

— Сундукова! — сильно упирая именно на букву «о» в последнем слоге, закричали из канцелярии. — Вам письмо. Пляшите!

Чувствуя, как слабеют ножные мускулы, Клава потопталась, ничего не соображая, перед голубенькой канцелярской террасой.

— Нет, гопака, — умирая со смеху, требовала девчонка-дело-производитель. — А вы — шейк...

— Дайте, дайте же! — твердым, злым голосом сказала Клава и вырвала конверт.

Словно долгожданную добычу, она отнесла письмо к скамейке под седым гипсовым физкультурником и присела.

«Приветик!» — писал Петр. Клава прочитала первое слово и принялась разглядывать жирный восклицательный знак после этого ужасного, невыносимо пошлого слова. Что-то кольнуло ее за диафрагмой. «Мы с Сережкой живем ничего себе, чего и тебе желаем, — сообщал Петр. — Вчера смотре...»

— Письмецо получено? — сказал над самым ухом знакомый вздрагивающий баритон. Клава увидела Кубизьмова, который затаился под гипсовым дискоболом. — Что же пишет ваш благоверный?

— Выиграли, — глухо сказала Клава. — Выиграли наши у «Изолятора». Со счетом два ноль.

И заплакала.

ЛОПНИ МОИ ГЛАЗА

Твердым шагом молодой и очень голодный Александр Юрьевич Катов шел в гости к супругам Мериным. Он был тайно влюблен в хозяйку дома, и к тому же хозяин обещал показать новую пластинку певца Маркарони. Вообразите себе гнев и отчаяние Александра Юрьевича, когда продолжительные звонки в квартиру Мериных не возымели никакого действия.

Катов уселся на дворовой скамейке и злобно стукнул по принесенному с собой тарту «Мичуринский», за два двадцать. Затем он взглянул на окна Мериных и обомлел: в квартире кто-то был. На занавесках реяли неясные зарницы, по стенам металась кошмарно увеличенная птичья тень.

«Не пожар ли?» — с вожделием думал Катов, несясь по лестнице, рисуя себе картину, как вот он, элегантный, немного обгоревший, выносит полузадохнувшуюся декольтированную Меринову к беседе...

Оказалось, что не пожар. Хозяин открыл на стук и сказал: — А, это ты, Саша... Ну, входи, входи... Мы забыли предупредить, что звонок не работает.

Мерин больно взял гостя за руку и повел в комнату, причем по дороге Катов дважды ушибся — о стеллаж и еще обо что-то.

— Ух ты, — потирая ногу, молвил Катов, увидев свечи, жирно оплывшие на столе. — Шикарно!..

Хозяин со сдавленным стоном ринулся поймать на лету восковую сосульку, падавшую в сардины, но не поймал и разбил бокал.

— Как говорится, к счастью, — пробормотал Мерин. — У, зараза, опять каплет... Видишь ли, повинуюсь велению, как говорится, прогресса, мы решили устроить вечер при свечах... Су ле туа де Пари, одним словом. Милочка! Гости пришли.

Из кухни раздалось как бы ниспадание Ниагары. Громко шлепая по полу, вошла, будучи босиком, разлохмаченная хозяйка.

— Извини, Саша, пожалуйста, — сказала она, угрожающе держа на весу мокрую тряпку. — Сейчас вытру кухню и приду.

Катову показалось, что на красивом, бледном лице хозяйки темнело большое пятно. Кроме того, супруги говорили такими голосами, будто перед этим украдкой налили друг другу по рюмке яду.

— Не таи, — взволнованно прошептал Катов. — Что случилось? И почему в коридоре тоже свечи? Веление прогресса? Ой, и на кухне! Я смотрю, у вас потек холодильник...

— Ну, так уж и потек,— кокетничала Мерина, стараясь выжать тряпку таким образом, чтобы попасть на гостевы брюки.— Так уж и потек... Идите... Идите в комнату... О, ч-черт... Это так романтично — ужинать при свечах... Жаль только, радиолу испортилась, Маркарони не слушаем. Правда, хозяин? — с тихой яростью кринула мадам.— Мойте же руки!

— Слушай,— сказал Катов, ударяясь о раковину умывальника.— Я все понимаю: романтика, туда-сюда... Но почему и в ванной темно? Признавайся, если не умеешь чинить пробки, то сейчас мы мигом, раз-раз! Ты зубы не заговаривай — Маркарони, Макарони...

— Ладно.— Хозяин зажег электрофонарь и направил белый луч прямо в глаза гостя.— Я скажу, но прежде дай честное слово, что никому ни полслова... Э-э, нет, нет! По глазам вижу, что...

— Да отведи ты свет, слышишь? Ну, лопни мои глаза, разорвись пополам моя печень, если проболтаюсь.

— Ладно, слушай.— Мерин потушил фонарь.— Подруга жизни не удосужилась заплатить за свет. Нагорело — ужас!.. А людоеды из Горэнерго отключили счетчик. Постой, постой, куда же ты? А шампанское... Шпротов тебе, змею, купили...

Он попытался задержать Катова, да впотьмах цапнул пустой воздух, а когда зажег фонарь, было уже поздно...

Гость мчался к телефону-автомату. Чувство голода, униительно мучившее его с утра, уступало место чему-то большему, светлому. Как обычно, в первой будке трубка вырвана с цепью. Дрожа, Катов ввалился в другую и гнущимися пальцами стал поворачивать скрежетавший диск.

— Мария Азэфовна! — задыхаясь, крикнул Катов.— А, чтоб тебя... Не соединяют... Мария Азе...

— Я слушаю вас,— ледяным контральто повторяла Мария Азэфовна.— Говорите громче, я ничего не слышу.

Катов догадался и начал говорить в слуховую часть — крикнет и снова прижмет к уху, крикнет и оторвет с ловкостью жонглера:

— Это Катов! У меня потрясающая новость... Только — чур...

— Шу... вы... ме... бижа... — понеслось с другого конца провода —...рите же...

— Нет, вы поклянитесь!

— ...урик, как... удто... меня... наете... — Катов подольше подержал трубку рядом с ухом.— Клянусь жизнью своих детей. Никому. Тресни мои глаза...

Катов почти физически увидел эти глаза, обведенные демонической тушью, вспыхивающие, как два маяка в далекой передней, среди модных в этом сезоне кактусов.

— Хорошо. Воображаете, Мериниха забыла заплатить за свет... Хо-хо-хо! «За-бы-ла...» За два года! Ангельское терпение Горэнерго... Хозяин пьет мертвым поем... Ей-богу, не вру! Нижние подают в суд — размыло три этажа, до подвала. Жуть! И еще имеют наглость приглашать в гости... На что живут? Берет, конечно...

Отдуваясь, Саша вышел из будки. Он точно знал, что именно происходило сейчас в далекой кактусовой передней...

— Эллочка! — Мария Азэфовна, туша окурки о горшки, до-трезвонилась наконец до приятельницы — Эллы Гапон. — Но, киска, мне сообщили совершенно конфиденциально. Клянись жизнью мужа. Впрочем, нет. Сейчас же поклянись здоровьем Вадима... Никому? Слушай, ты держись за что-нибудь. На всякий случай сядь. Села? Несколько минут назад Мерин отправлен в психбольницу... Бил жену смертным боем. Подъезд рухнул. Как, как... Естественно! Мерин, как заведено, горячечно пьяный, истязает мадам, идет на кухню, а эта дура забыла выключить газ. Ну он, конечно, зажигает спичку — и трах-шмах...

Элла Гапон не дослушала до конца и набрала номер Нагайкиных...

* * *

Я бежал к дому Мериных, грея на ходу руки. Полчаса тому назад мне позвонил Коля Иудушкин и, взяв с меня страшный зарок молчания, сообщил, что Мерин убил свою подругу жизни и взорвал дом, о чем я тут же проинформировал директора нашей конторы товарища Гогенмогеля.

Мне открыл сам Мерин. Весь закапанный воском, он был похож на гангстера из Лондонского музея восковых фигур.

— Беда, — сказал он. — Ситуация абсолютно изгажена. Выпустил я эту змею, Катова. Неужто и ты ему поверил?

Дотлевавшие свечи чадили, и вонь делалась нестерпимой.

— Ваня! — истошным голосом позвала жена. — Накапай же, ирод, шестнадцать капель валокордина... И свечки туши! Луна показала...

Из разверстой консервной банки на праздничную скатерть сами собой выплывали шпроты.

— А все этот Катов, — сжимая в темноте кулаки, взвизгнул Мерин. — Мы ему падишахский стол приготовили, а он натрепал на всю Москву черт-те что... Уж откуда только ни приезжали: пожарные, милиция, еле отбились... Ухх! Ухх! Мухомор поганный! Я уж решил к дежурному по Горэнерго подскокить на такси, упасть ему в ноги с мольбой о свете, да никак шапку свою не найду...

Я ринулся к выходу.

Мерин попытался поймать меня за ноги, но я вырвался и выбежал за дверь.

— Автомат за углом направо! — крикнул вдогонку Мерин. — А две копейки ты имеешь? Если нет — на!..

И сверкающие в полумгле подъезда два сребреника несколько раз подпрыгнули и легли у моих ног. Я подобрал их и лихорадочно набрал номер Вали Брутова с целью оповестить всех, всех, всех о том, что негодяй Катов спер у Мериных ондатровую шапку...

СКРОМНОСТЬ

Проходя мимо комиссионного магазина «Музрадиофото», Марк Евгеньич безнадежно завяз в толпе, слонявшейся по тротуару.

— ТК-340, — шепнул Марку Евгеньичу незнакомец в отличной бизоньей куртке. — Совсем свежий. Не нужно?

Марк Евгеньич отпрянул, нырнул в просвет между телами, но тут же наткнулся на брюхо, усеянное большими деревянными пуговицами.

— Вертинский-Мертинский, — сказала брюхо. — Кому годится это бляение? Вот забойный Том Джонс. Полста. Ну, берете?..

Марк Евгеньич повертел головой. Вокруг слышались бодрые или вкрадчивые голоса:

— Всего две кассеты, с идеальными пленками, две... Имею «Нэшнл»... Что вы! Полтора кило?.. Там одна плата тянет на две тяжелых...

Все это было так непонятно, что Марк Евгеньич затосковал. Странное чувство подсказывало ему, что из этой подозрительной суетни он уже никогда не выберется.

— А что у вас? — строго спросил Марка Евгеньича высокий блондин в барашковом «пирожке». — Какая у вас радиотехника?

— Приемничек, ВЭФ-12, — вконец растерялся Марк Евгеньич. — На батарейках.

— Состояние хорошее? — еще строже осведомился блондин. — Отвечайте громче! Сколько вы за него хотите?

— Я отдал за него сто девять. Но я не собираюсь его про...

— Даю вам сто, — прервал неизвестный. — А приемник что, дома? Едем! Вот такси.

Марк Евгеньич собрался сказать блондину, что никуда с ним не поедет, что он следует мимо магазина по совершенно неотложному делу. Кроме того, он отнюдь не намерен продавать что-ли-

бо неизвестному энергичному человеку, который уже усаживал его на заднее сиденье таксомотора.

— Николай Раков. Но вы можете звать меня просто Ник,— представился блондин, вытащил руку Марка Евгеньича, которую тот прятал в кармане, и сжал с такой силой, что Марк Евгеньич сморщился, но заставил себя улыбнуться и сказать:

— Марк Евгеньич.

— Как? — переспросил Раков, обнимая Марка Евгеньича за плечи. — Говорите громче!

— Хилинский,— бледнея от негодования, но приятно улыбаясь, крикнул бедняга. — Марк Ев-генъ-е-вич!

«Авантюрист, выскочка,— думал Марк Евгеньич, исподтишка изучая стершийся профиль Ракова.— Но, однако, как неприятно пристально я его разглядываю...» Правда, Раков этого не заметил, увлеченный собственной трескотней о каких-то грундигах, герцах и децибелах. Так они и подкатили к дому Марка Евгеньича.

— Радио интересуюсь, знаете ли, с детства. Эстетикой,— сообщил Раков, расхаживая в лыжных ботинках по чистенько убранной приходящей тетей Полей квартирке Марка Евгеньича. — Тю-тю-тю... — привистнул Раков, глядя на стены. — Да вы, оказывается, фотограф... Как, вы сказали, вас зовут? Иван Палыч? А, да, Марк Евгеньич. Недурно, недурно... Любитель или профессионал? Да говорите вы громче! У вас что, ангина? Я недослышу!

Марку Евгеньичу не терпелось наконец выкрикнуть: «Убирайся вон из моей уютной квартиры, которую ты загадил своими грязными сапожищами и скверным табаком. Ничего я тебе не продам, вон!...»

— Это мое,— тихо сказал Марк Евгеньич,— хобби.

— Как? Хобби? Отлично. Кстати, Марк Евгеньич, у меня с собой только девяносто шесть с мелочью... Вот, держите: полтинник, семьдесят пять... Девяносто. Я подскочу завтра и подвезу остальные.

— Да что вы,— сказал Марк Евгеньич, у которого даже зашлось в душе.— Ничего. Завтра так завтра. А вообще... Вообще вы мне ничего больше не должны. Приемником я пользовался,— как вы это говорите? — на всю катушку. Так? Он ведь самортизировался.

— Ни за что! — Ник выпустил изо рта колоссальный клуб дыма.— С этой минуты запомните, Марк Евгеньич, слово Ракова — золото. Сказал — подскочу, значит, я подскочу. И, кстати, вы меня сфотографируете. Да, да. Мне очень нравятся некоторые ваши работы. Отличная идея. Правда?

— Ну, что вы,— задыхаясь от ненависти, пробормотал Марк

Евгеньич. — Это все так, любительщина.

— Итак, — провозгласил Ник, — завтра. Какой ваш телефон? Как? 923-06-78. Даете слово, что в пять будете на месте? Да нет, в пять утра. Мы все вместе поедem на лыжах. Пофотографируемcя. Лады?..

И тут Марк Евгеньич сказал Нику все, что он о нем думал: что Ник — нахал и чтобы он убирался к черту и больше никогда не появлялся на его ничем не омраченном холостяцком горизонте. «Завтра воскресенье, — продолжал бушевать Марк Евгеньич, — я люблю долго поспать, а потом буду делать песочный торт по рецепту, который подарил мне мой друг генерал Эристофанский, а сам я кандидат наук, доцент, а ты — жалкий выскочка и недоучка...»

Он проговорил эти замечательные слова мысленно, а вслух сказал:

— В пять так в пять...

Он весь день фотографировал Ракова, его бездарную супругу и прыщавое беззубое дитя их, упрямое и мстительное существо непонятного возраста. Раков и жена, улыбающиеся под скрещенными лыжами. Ник, дитя и супруга — на балюстраде ресторана. Раков — в профиль, один. В фас — наглый отпрыск, снова выскомерно щурящаяся подружка, и опять Ник без пальто, одетый, в снегу по пояс, у трамплина и на горизонте...

Денег Ник не отдал, сказал, что снова подскочит завтра.

— И, пожалуйста, Марк Евгеньич, не тяните с карточками, а еще лучше — сделайте к завтраму. А? Лады? Вот и Вася.

Дома Марк Евгеньич вынул кассеты и пошел было на кухню сжечь на газе все пленки до единой, как в ту же минуту затрещал телефон.

— Что снимочки, удались? — проквикал раковский голос. — Особенно прошу обратить внимание на ту, где мы все одевши и у фонтана...

«Сейчас я покажу тебе такой фонтан, жалкий негодяй, — стремительно пронеслось в голове кандидата, — что ты у меня надол...»

— Да, и вот еще что, Маркуша, — добавил Раков, — мой дед, большой, между прочим, полиглот, жаждет с вами общнуться. Затвердили на завтра? О'кейчик!

Назавтра вечером Раковы, захватив с собой дедушку-полиглота, прибыли к кандидату, пили чай, ходили смотреть выложенный плиткой санузел и сломали торшер, когда Марк Евгеньич фотографировал дедушку, держащего вверх ногами газету «Форвертс». Во вторник они повели кандидата смотреть фильм «Пробитое сердце», перед чем Марку Евгеньичу пришлось полдня про-

стоять в очереди за билетами; в среду — на выставку карликовых пинчеров, а в сентябре Раковы затеяли ремонт и переехали пожить у Марка Евгеньича, который отныне спал на раскладушке в прихожей и все время фотографировал и фотографировал без конца раковскую чету, ансамбль и соло. В июне Раков сказал, что все они вместе поедут на его машине в Ялту. Там, мол, прекрасная натура, и фон, и подводная ловля.

Но тут Марк Евгеньич в конце концов взбунтовался, заявил действительно вслух, что никуда не поедет, что и так запустил докторскую и море ему в это время решительно противопоказано...

Они выехали, как всегда, в воскресенье, и, конечно же, в четыре утра, в «Победе» Ракова, где на крыше было устроено нечто вроде этажерки для скарба, отчего «Победа» напоминала маленький катафалк.

В Ялте Марк Евгеньич, лиловый от холода, ухитрился снять Ракова даже под водой, когда тот целился из ружья в бородастую рыбу с вытаращенными глазами. Марк Евгеньич стал плох. Экономные Раковы останавливались ночевать в полях, и на Марке Евгеньиче лежала обязанность ставить палатку и разжигать костер. «Победа» никак не хотела заводиться. Марк Евгеньич в дым разбил очки, крутя рукоятку, и все снимал Раковых и в Ореанде, и в Ласточкином гнезде, и на скалах Севастополя, и стоя, и сидя, и все мечтал снять Ракова только в одной позе: лежа. И чтобы у изголовья было много цветов...

БАНДЕРОЛЬ

Не так давно мой старый добрый друг Юрий провожал меня на Север. Перед отлетом мы зашли на некоторое время в аэропортовский буфет и очень мило посидели там до самого отправления серебристого красавца. Очевидно, впрочем, не все было так просто, ибо, придя в себя на подлете к пункту назначения, я обнаружил очки Юрия на своем собственном носу.

Надо вам тут же сказать, что по сравнению с Юрием крот обладает зрением орла. «Бедный Юрий,— с тревогой подумал я. — Ты страдаешь, но твоему горю нетрудно помочь. Я тебе помогу немедленно».

С этой мыслью я отправился на главпочтамт. «Не беда,— думал я, прогуливаясь по гудящему залу,— сейчас я положу очки в бандероль, пошлю ее авиапочтой, и уже к утру Юрий обретет не только зрение, но и веру в своего друга».

— Вашему горю действительно нетрудно было бы помочь,— сказала бандерольная начальница,— если бы у нас были хоть какие-нибудь ящики или твердые футляры. Поскольку же их нет, пусть ваш друг купит себе новые очки.

— Не выйдет,— кисло ответил я. — У него минус двенадцать диоптрий. Такие стекла можно достать только по заказу. Попробуйте с ходу достать такие сильные стекла.

— Тогда,— сказала дама-почтмейстер,— купите ящик для посылки, набейте его ватой и вложите в него эти драгоценные окуляры. Хотя ваты вы сейчас нигде не достанете.

Я медленно побрел к выходу. «Бедный Юрий,— нежно думал я,— как-то там сейчас... Мужайся, крепись. Твой друг идет на помощь».

— Эй!— крикнула из окошечка начальница бандеролей.— Я придумала. Купите пенал в ближайшем магазине канцпринадлежностей, вложите в него очки, и дело, то есть очки, в шляпе, то есть в пенале!..

Окрыленный, я кинулся в магазин канцтоваров. Разумеется, в ближних магазинах пеналов не оказалось. Пенал нашелся, конечно же, в самом дальнем, и я с грепетом привез милый моему сердцу предмет в гостиницу, предварительно истратив кучу денег на такси. «Держись, Юрий,— мысленно подбадривал я друга.— Еще какой-то день, и ты получишь свои очки».

Я сел, отодвинул деревянную крышку и вновь ужаснулся: пенал был полон каких-то перегородок и отделений.

— Чепуха! — утешил меня сосед по номеру, бывалый командировочно-разъездной волк. — Пойдите в ближайший магазин хэзтоваров, купите там молоток, стамеску и выберите к черту перегородки в вашем пенале!

...Разумеется, ни в одном ближайшем магазине не нашлось ни молотка, ни стамески. Я купил их за городом и притащил в номер. Опять-таки на такси, для быстроты. Мои суточные и гостиничные таяли на глазах.

Когда я выбил перегородки, выяснилось, что очки туда в целом влезают, но крышка не закрывается.

— Слушайте,— сказал сосед.— Теперь у вас есть молоток и стамеска. Приобретите же где-нибудь гвозди, дощечки, деревянные планочки и сколотите небольшой ящичек.

На третьи сутки, истратив деньги, оставшиеся на обратный проезд, я нашел искомые составные строительные части и принялся за работу. Я разбил себе пальцы в кровь и каким-то образом ухитрился поставить синяк под глазом, но к концу недели странное сооружение, напоминавшее миниатюрный дачный туалет, было готово. Я с радостью вложил в него очки, занес

руку для удара молотком по крышке и... расколотил очки вдребезги.

Поздно ночью я выбросил сооружение в реку и, стоя на ажурном мосту, всерьез подумал: не кинуться ли вниз самому? Дело в том, что каждый день я получал от Юрия телеграммы, одна ужасней другой. Последняя, например, содержала только два слова «Берегись зпт мерзавец». Ответить мне было нечем. Вернее, не на что — денег не хватило бы даже на почтовую открытку с видом Петропавловской крепости.

...Сейчас я иду домой пешком, питаюсь злаками и кореньями, оставленными кое-где на полях под снегом. Когда вы будете дочитывать эти строки, я как раз выйду к Вологде. Дело в том, что я заблудился и спутал дороги...

Юрий каждый день ждет меня на вокзале. Туда его приводят под руки два друга. Один из них — первозрядник-боксер, второй — отличный самбист. Юрий дал им мою фотографию, которую я некогда подарил ему на память, и подогревает их ярость за свой счет в вокзальном ресторане.

Только им меня все равно не узнать! Я не брился целый месяц и порядочно отощал. Если вы сжалитесь надо мной, то можете прислать мне пару бутербродов по адресу: «Псков, до востребования». Только, пожалуйста, умоляю вас, не бандеролью!

БОЛЬШЕ — НИ-НИ!

Так вышло, что наладчик Гайченко бросил пить. Не сразу, конечно. Была в том борьба близких и коллектива. Лично Гайченко долго не мог бросить, будучи больным человеком. Да и не хотел, поскольку считал себя здоровым.

Сначала же он, понятно, был просто распущенный: там, где другие обходились четвертинкой, он на одного выпивал бутылку и привык опохмеляться.

А с больной головы — какая уж там наладка... И его вызывали на собрания, где слушали по персональному делу. Гайченко щурился на яркий свет и беззлобно относился к окружающим, успев сбегать в «Ласточку» за проходной. Он легко со всеми соглашался, обещал, но эта легкость и приводила судей в особое раздражение.

— Это же неправда! — дрожая, кричала сменный мастер товарищ Зайцева. — Ведь ты врешь!

— Вру, конечно,— с еще большей легкостью подтверждал Гайченко, чем повергал собрание буквально в ярость. — Но больше — ни-ни!..

— Да что «ни-ни»? — злился председатель цехкома Ипатыч. — Ты объясни собранию.

— Ну — ни-ни. — Гайченко тихо шлепал себя ладошкой по горлу и садился на место. Наладчику записывали выговор или лишали премии, на что ему было уже наплевать, а потом он шел в «Ласточку», откуда ехал на мотоцикле в милицию, не реагируя на замечания.

В личной жизни Гайченко вел себя вызывающе: истязал жену и наносил словесные и физические оскорбления соседям. Когда терпение у всех лопнуло окончательно, Гайченко стал лечиться. Не сам, ясно, а приехала за ним ночью карета с санитарями и увезла в дом, с которого ни время, ни климат так и не смыли желтую краску.

Гайченко был от больницы не в восторге и не являлся образцовым больным. Буянил, пытался пересигнуть за высокую стену и манкировал процедурами, мучая тем самым врачей.

Мало-помалу, скучая по работе, наладчик увлекся лечебным трудом. Он делал белые хризантемы из наждачной бумаги и даже вкладывал в занятие столько усердия, что трудотерапевт говорил, будто его хризантемы похожи на волка. А потом Гайченко вдруг понравилось не пить. «Благодать какая, — млеет наладчик, гуляя по садику, который больные называли «психодромом». — Ни тебе голова не болит, ни на проработки... А денег! Теперь смело можно будет «Темп-6» купить. А то и стиральную машину!..»

И ему уже не терпелось скорей выйти из больницы. Прошась с главврачом, исключительно седой женщиной с умными, но добрыми глазами, Гайченко щелкнул себя по горлу и твердо сказал:

— Верьте, Мария Григорьевна: больше — ни-ни!

Он слово держал. Как ни тянуло его в «Ласточку», как ни стыдили друзья-тройльщики — Колька Булгахтеров и Филипп Македонский, — наладчик не пил и с помощью тестя купил телевизор. Правда, не «Темп», который не давали в кредит, а «Рубин-106».

Однажды в обед, когда он налаживал что-то срочное, к нему подошел Ипатыч и тихо сказал:

— Вот. Мы тут собираем по малости на проводы дедушки Константин Макарыча из вооруженной охраны. Внеси и ты по-сильно. С тебя, как с непьющего, рубль.

Гайченко внес и решил быстрее забыть об этом эпизоде. Кончилась смена, а он все еще налаживал то, что срочно надо было наладить. В проходе показался Ипатыч, шедший, наклоняясь то к одному станку, то к другому. Ипатыч приблизился и медленно выговорил:

— Ты это брось... Завтра... доналадишь. — Ипатыч икнул. — Пошли... Не дело отделяться от коллектива.

— Я не пойду, — сказал Гайченко, тоскуя и стараясь не нюхать создавшуюся вокруг атмосферу. — Не просите.

— Это как так ты не пойдешь? — тихо-тихо вскрикнул Ипатыч. — Ты это что — инди-видуум?.. Пойдем, Ваня. Одну-то рюмку можно... Не пойдешь?.. Ну, лады. — Ипатыч отцепился от гайченковской спедовки и дико посмотрел в потолок. — Вместо благодарности... Ты еще придешь. Путевку просить для дочки... П-р-р-ре-мии тебя р-р-решшим!

Гайченко доналадил и, не слушая сквернословившего Ипатыча, двинулся в душевую. Он взял под мышку новую картонную коробку и вышел из проходной, где неприятно громко спал дедушка Константин Макарыч. Мысли Гайченко были так заняты происшедшим, что он просто по инерции завернул в «Ласточку».

— Ваню! — заорал из угла Филипп, который был, собственно, не Филипп, а просто похож на артиста Филиппова. — Наконец-то. Только твоего карбованца не хватает...

Гайченко молча свернул к буфету и спросил минеральной. Если бы «Ласточка» вдруг оторвалась и полетела в Крым, если бы вошел в нее сгоревший прошлым летом от поятуры экономист Адик Шпринц, то и тогда Филипп не был бы столь потрясен. А Колька Булгахтеров, куривший украденную где-то сигару, прохрипел:

— Правду говорили, что не человек он стал... Ящер ты! — с ненавистью продолжал Колька. — Моллюск...

— Может, он теперь еще в очках ходить будет? — подхватил Филипп. — И в шляпе?

Гайченко вынул из коробки ярко-зеленую велюровую шляпу с длинными полями и, надев ее, прошелся мимо дружков, которых словно приклеили к стульям.

— Пресмыкающийся! — крикнул вслед Булгахтеров и швырнул в Гайченко сигару. — Теперь не попадайся...

Гайченко прибавил шагу, так как к ужину ждали любимого тестя. Тестя уже скучал за богато накрытым столом.

— Ну, здравствуй, — обрадовался родственник. — Привет тебе. Рад, что ты бросил твою пагубную привычку. Но сегодня можешь! За столом — не за углом. Немного, а должен: по случаю исцеления.

Гайченко деликатно отказывался, тещь же настаивал и даже начал нервничать. Тогда Гайченко ойкнул и сказал, что у него — печень.

— И на столе печень,— багровея, сказал тещь. — Ты не придуривайся. Ишь, загордился, родни не знает... Да ты меня уважаешь в конце концов?

Тещь кинул салфетку на пол и пошел одеваться. Супруга Гайченко ринулась за папашей и оттуда крикнула:

— Эх, ты! Уважить папу не можешь... Нет более нам их родительского благословения. И деньги за «Рубин» велют отдать.

Гайченко плюнул и выпил.

У этой истории два конца. Все вернулось. Гайченко пропьянствовал две недели, с помощью Филиппа пропил телевизор, и, когда Ипатыч предложил опять лечь полечиться, Гайченко с ужасом вспомнил глаза главврача Марии Григорьевны и сказал:

— Лечиться?.. Ни-ни!

Нам очень жалко стало работягу Гайченко, и мы рассказываем о другом конце. Поздней ночью, в шляпе, не раз скомканной Булгахтеровым, Гайченко постучал в двери больницы. К счастью, дежурившая в ту ночь Мария Григорьевна впустила Гайченко, не ругаясь, дала снотворные порошки и утром сказала:

— За срыв я вас осуждаю, Иван Васильевич, а то, что вы все-таки пришли, это очень хорошо. Я в вас верю. Только теперь лечитесь и не выплевывайте таблетки, которые вы прятали раньше под язык...

Таблетки он глотал по-настоящему, хотя и с омерзением, и вышел из больницы другим человеком. И когда на праздничной массовке, на полуострове Зеленого Коленвала, к нему, задевая за кусты, как пробитый стрелой лебедь, приковылял сам предзавкома Аникеев и сказал:

— Не хочешь со мной выпить, да? Ну, я вижу, брат, что ты меня не уважаешь...

Иван Васильевич Гайченко, наладчик высшего разряда, мастер золотые руки, умница, семьянин, посмотрел Аникееву в глаза и сказал:

— Верно, сейчас не уважаю. Извините, конечно. Ни-ни!

ПРИНЦИПАЛЬНОСТЬ

Всем, в том числе и вам, известно, что канун Нового года — это время надежд. Нам свойственно уповать на то, что наступающий период принесет счастливые изменения в работе и личной жизни. Сам я, являясь материалистом, все-таки верю в одну безобидную приметку. Мне кажется: весь новый год пройдет именно так, как ты будешь вести себя в ночь на первое января.

Перед наступлением этой ночи я решил стать принципиальным. «Довольно,— подумал я,— всякого кумовства и протекционизма. Хватит семейственности и низменного пресмыкания перед родственниками и друзьями».

Я закрыл ставни овощной палатки, где работаю заведующим, и сел на табурет отдохнуть от напряженного предпраздничного дня. Не прошло и минуты, как в служебную дверь сильно застучали.

— Открывай, браток! — закричал хриплый радостный баритон. — Пошто так рано закрылся?

«Ага,— возликовал я.— Это дед Петя, проныра и доставала. Ну погоди! Сейчас я тебе покажу такой характер, продемонстрирую такую качественно новую линию поведения, что ты только ахнешь!» С этими мыслями я впустил деда в лавку. Но только на порог, закрыв дальнейшее продвижение своим телом. Я нахмурил брови и скрестил руки на груди. Очевидно, я был страшен, так как дед ошарашенно спросил:

— Что с тобой? Зачем ты так руки держишь? Кстати,— без малейшей паузы продолжал он,— Боря говорил, что ты получил партию отборных мандаринов. Не мо...

— И не проси,— сказал я. — Отныне здесь нет места либерализму и мягкотелости.

Когда бы в лавке раздался вулканический гром, когда бы за моей спиной вдруг появился сам футболист Блохин, и то дед не так поразился бы. Некоторое время он стоял с выпученными глазами и разинутым ртом, а затем вылетел прочь и побежал по улице, часто оглядываясь в мою сторону.

— Вот так-то,— проговорил я, хотя на душе у меня было нервозно. — Так будет с каждым, кто сунется теперь не как все, законно, в порядке общей очереди, а воровски, через служебный вход. Да приди сюда сама тетя Мэри, которую боится даже ее муж, брендмейстер Харламбий, и ее я отпра...

— К тебе можно? — раздался зычный баритон тетушки Мэ-

ри. — Ты здесь, Андрей? Племянник! Я пришла тебя поздравить с наступающим и...

— Попросить у меня ящик мандаринов? Не так ли, тетя? — съязвил я и еще более энергично скрестил руки.

— Какой ты умный, племянник! Какой догадливый! — Тетя засияла, как новый светфор у крытого рынка. — Какой отзывчивый к родным людям...

— Никогда! Нет и еще раз нет. На этот раз вы заблуждаетесь. Да приди сама прапрабабушка моей жены, и то она ушла бы ни с чем. Давайте же жить честно, без кумовства...

Никогда не забуду тетиного взгляда. Сначала он был зеленый, кошачий. Затем стал желтым, как у рыси. И уже поодаль, где тетя Мэри остановилась, чтобы еще раз проклясть меня, ее глаза засверкали львиным блеском.

Тем же способом я спровадил двух кузенов, одну племянницу и трех деверей, а также человека, который горячо называл меня братом, хотя я ни разу в жизни его раньше не видел.

Я уже собирался уходить, когда к лавке подъехала санитарная машина.

— Собирайся, поедем, — постно сказал мне близкий друг Ваня, шофер «Неотложной помощи». — Родственники говорят, что ты утверждаешь, что ты Наполеон. Нет? А кто ты? Миллиардер Хант? Ну, давай, давай, поедем. Отдохнем. Впрочем, если ты дашь мне ящик цитрусовых, я выхлопчу тебе хорошую койку в уютной палате...

Я вынул железный прут из ставней и медленно пошел к машине. Ваня тут же дал задний ход. Я помахал прутом перед радиатором.

— Дурак! — обиженно кричал, отъезжая, Иван. — Кретин! Я же по-дружески: ты мне мандарины, я тебе самую новую эlegantную смирительную рубашку! По-хорошему, по знакомству!..

Он еще долго вопил в переулке, но уехал ни с чем.

Я отдышался и опять присел на табурет. «Как хорошо, — радостно и сладко мечталось мне, — какой я весь новый, какой весь принцип...»

— Эй! — вбегая в лавку, крикнула моя супруга. — Надеюсь, ты их всех отвадил?

И мы быстро-быстро стали отбирать самые лучшие, самые ядреные мандарины. Мадам так старалась, что ее прическа съехала набок, несмотря на обилие лака, которым были покрыты волосы цвета передельного чугуна.

Мы приоткрыли служебную дверь, убедились, что в переулке не было ни души, и вытащили ящик на свет лунный.

— И все! — сказал я. — Больше налево никому и никогда. Ни грамма!

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

У меня на щеке образовался фурункул. Я растерзал бы человека, говорящего, что его фурункул «вскочил». Можно подумать, что они действительно вскакивают на людей, как на подножку трамвая. Это было бы слишком просто!

Лично мой возникал у меня на щеке трое суток. На четвертые режиссер театра, где я работаю, поинтересовался:

— Послушайте, вы не можете говорить бабьим голосом?

— А что? — чувствуя недоброе, отозвался я.

— Видите ли, у вас так разнесло щеку и глаз ваш настолько сузился, что я могу поручить вам сыграть сватью бабу Бабариху. Вместо роли молодого Пушкина, которую придется отдать артисту Иорику...

Я горячо обещал режиссеру полечиться. Первый же медицинский совет был дан суфлером Михеичем.

— Возьмите листья кубинской магнолии, разотрите их с корнями агавы мексиканцы и сварите на спиртовке в соку обыкновенного озолотичвета. Как рукой снимет.

— Да, — сказал я, — но где найти спиртовку?

Михеич тоже не знал. К утру мое «украшение» само расцвело подобно яркому тропическому цветку. Режиссер вслух раздумывал, не перевести ли меня вообще в «голоса за сценой». Но под вечер у меня ухудшилась и дикция. Тогда наша «комическая старуха» Полина Сергеевна сказала:

— Не печальтесь, дружок. Возьмите обыкновенное птичье молоко, смешайте его с самым простым ядом североамериканской гремучей змеи, посыпьте его горчицей и сварите в печи, но печь должна быть голландской.

— Где же я возьму говандскую петьку? — прошамкал я. — Сто з делать?

— Только не врачи! — всплеснула руками Полина Сергеевна. — Замучают. Дайте мне слово, что не пойдете. Они вам делают переливание крови.

Я задрожал. С раннего детства один вид всяких скальпелей, бритв и ножовок приводил меня в ужас.

Обезумев, я носился по знакомым и незнакомым в поисках рецепта. Абсолютно незнакомый шофер такси рекомендовал приложить натурального женьшеня, смешанного с порошком.

Слишком хорошо знающая меня по замочной скважине соседка Настя настойчиво советовала употребить керосин, сдобренный маковым цветом, который распускается в ночь на Янку Купалу, а сосед полковник Митерев велел применять каустик в двух третях с сушеным альпийским цветком эдельвейс. Равно предлагались вытяжки из бизоньего глаза, молоко антилопы канна и даже крокодиловы слезы пополам с самым обычным австралийским подорожником!

Разумеется, ночью мне снился сон. Суфлер Михеич, окутываясь серным дымом, вылез из своей будки и страстно прошептал: «Рецепт: цианистого кали пол-унции плюс крысид с двумя долями мышьяка. Все облить сулемой, добавить царской водки по вкусу, перед употреблением взболтать и...»

Я проснулся. К семи утра фурункул так увеличился, что даже перевешивал остальное тело, когда я шел к автобусу. Я все-таки ехал к врачам. У перекрестка к машине подошел один мой старый приятель и посмотрел в открытое окно.

— Чирий? — спросил приятель. — Здорово тебе экран раздуло. — Он, — сказал я. — Есть рецепт?

— Фурункулез очень легко лечится газом, — хихикнул приятель. — Идешь в москательный магазин, покупаешь свежую замазку, приходишь домой, замазываешь окна в кухню, двери, потом открываешь краны...

Я разглядывал его отвратительную, хорошо выбритую физиономию, на которой не было ни одного прыщика. Мой же освещал всю окрестность, как прожектор. Приятель рыдал от смеха. Авто тронулось с места.

— Поплотней же закрой двери! — крикнул вдогонку приятель.

Лишь глянув на мое лицо, хирург тут же посоветовал мне пойти лучше к кожнику, это, дескать, их вотчина. Подозревая, что хирург намерен заняться так называемым «отпихнизмом», я отказался куда-либо уйти из кабинета.

— Хорошо же-с, — тихо сказал хирург, выбирая в шкафу самый сверкающий, самый кривой, самый острый инструмент. — Хорошо же-с.

Только меня там и видели. Кожник сочувственно предложил пойти к хирургу. Это, мол, их епархия.

— Считаю до тысячи, — сказал я грозно, идя на него со сжатыми кулаками. — Девятьсот девяносто восемь, девятьсот девяносто девять...

Хилый врач ойкнул, охватил мой лоб руками и быстро заговорил:

— Шушера-мушера, тройная лабуда... Лапку дохлой кошки истолочь в ступе, все вместе взять и в полночь пойти на Введенское кладбище к склепу фамилии Моргенштерн...

Я улепетывал к настоящему колдуну. Колдун оказался кряжистым импозантным мужиком в дакроновом костюме.

— Э-э, нет, батенька, — похохатывал колдун. — Вот если бы вы пришли ко мне с саркомой, или с маниакально-депрессивным психозом, или энцефалитом, тогда за милую душу... А фурункулы! Скажу по секрету: без медикаментов они проходят через две недели, а с медикаментами за четырнадцать дней.

Я плотно замазал окна и двери на кухне и совсем было собрался отвернуть краник газовой плиты, как раздался звонок. Звонил тот самый приятель:

— Ты жив? Слава богу... А я вот зря над тобой смеялся. У меня тоже чирьяк.

— Где?

— На самом, можно сказать, неудобном месте. Кстати, чем ты лечился? Кроме газа, естественно...

— Перо страуса эму, — не задумываясь, отвечал я, — мелко-мелко истереть с корнями баобаба и сжечь на медленном огне, посыпая медоцвеом. Пройдет через две недели или через четырнадцать дней.

— Так, — бобро сказал приятель. — Записываю: эму, баобаб. Только где я достану медоцвет?

Теперь уже я засмеялся противным надменным смехом.

ТАКАЯ МЕТОДА

— И еще учтите, Беркутов, — взволнованно сказал директор треста столовых и пивных нештатному активисту-контролеру, — пищевую общественность города пора поднять на щит. Она исправилась, а пресса ее замалчивает. В качестве примера возьмите новое кафе «Юго-Юго-Восток» и, если надо, поддержите. Возможно, напишем заметку в газету...

Через полчаса Анатолий Беркутов появился в «Юго-Юго-Востоке». К нему мигом подбежал седобородый швейцар и ловко освободил от пальто.

«Местечко что надо!» — подумал Беркутов, разглядывая зал. Как маленькие луны в дыму, сияли жующие физиономии клиентов. Едоки кричали:

- Тимофей, еще помидоров!
- Ччас! — откликнулся официант.

Вскоре, изогнувшись над Толей, он интимно допрашивал:

- Садиви кушать будешь?
- Буду, — твердо отвечал активист.
- Харчо, беляши будешь?
- Тащи!

— Пить чего будешь? — закатывал глаза Тимофей. — Коньяк есть такой — умрешь не встанешь!

— Нет, — отрубил активист, — не буду. Нам нельзя.

— Ясно! — с лицемерным сожалением заключил официант. — Сам в профсоюзе состоял... Да не судьба...

Кушанья были принесены молниеносно.

— А обслуживание-то хоть куда! — радовался активист-контролер. — Надо их малость поддержать, отразить. А то только и пишут про общепитовцев, что жулики и грубияны. Даже воры.

Активист наливал себе выдохшийся, как бегун-марафонец, нарзан и с удовольствием пил. Из швейцарской отечески топорщились седые усы. Соус к цыпленку был потрясающ.

— А почему у цыпленка нет крыльев? — угрожающе улыбается, осведомился контролер.

— Ай! — поразился Тимофей. — Разве не знаешь? Такая сейчас новая кулинарная мода пошла, чтоб без крыльев! В них же есть нечего. Разве не так?

— Как же, как же, — компетентно кивнул Беркутов.

Он потребовал книгу жалоб и начертал в ней благодарность коллективу полупитейного пищеблока. Затем он тщательно переписал в блокнот фамилии повара, директора, калькулятора... Тимофей оказался по фамилии Крокодиловым.

— Это что же — псевдоним? — поразился Беркутов.

— Нет, — сознался Крокодилов, — из Тулы мы. Да вот у прадеда, он тоже в кухмистерской работал, такой скверный характер был, что прозвали его так...

Директор треста одобрил доклад Беркутова и санкционировал написание бодрой заметки в газету. По дороге домой активист сильно пошатнулся, в груди забил колокола, кто-то вдруг сдвинул волосатыми ручищами желудок контролера. Минут через сорок примчалась стремительная «Скорая помощь».

Жизнь активиста удалось спасти путем форсированного промывания организма. Когда Беркутов наконец открыл глаза, он увидел больничные койки и седого швейцара, возлежавшего в зави.

— Эх, цыпленки, — прохрипел швейцар, — где ты, моя смертушка?..

— Что с вами? — участливо спросил Беркутов.

— Что, что... — с раздражением выдал старец. — Намедни с пяти клиентов без чаевых остался, и жить расхотелось. Вот я и захотел себя жизни решить, для чего поужинал у нас в закуской. Ну, а вы-то, видать, рисковый. Молодость! Вам ведь, если бы не врачи, конец, истинный Христос. Я видел, как вы полный обед откушали.

— А как же остальные? — похолодев, спросил Беркутов.

— У нас клиент какой, — рассудительно отвечал швейцар, — особый, ко всему привычный. Такой ядра от Царь-пушки переварит. А главное, коньяк. Нейтрализует. А так — умрешь не встанешь, истинный бог! Без коньяку, скажем, к нашему харчо и близко подходить нельзя. Вы вот харчо ели, а того не знали, что там заместо мяса хлеб аржаной. Опять же — шашлык. Записано, что бараний, а мы его зовем «махай-махай», из жеребятины, значит... Или, к примеру, солянка...

Старик покрутил головой.

— Ну, а дышленок? — замирая, справился Беркутов. — Почему он без крыльев?

— А кроликам крылья не положены, — презрительно отметил старец. — Вы возьмите блокнотик, про наш «нарзан» зафиксируйте: мы его сами газуем. Большие тыщи на пузырьках получаем! У нас все по методе. Одначе, чу, супружница притащилась, поесть пирожков принесла...

Старик подполз к окну и принял у жены авоську с продуктами. Побагровев от натуги, швейцар с хрустом перекусил пирожок и предлогив Беркутову разделить трапезу, но тот отказался.

К вечеру швейцару стало хуже, и его увезли на операцию. Талантливый молодой хирург установил, что швейцарова жена купила роковую закуску в лотке от закуской «Юго-Юго-Восток»...

АМОРЕ

Эстрадный певец Нико Лаев был лыс, как яйцо. Это очень вредило популярности артиста, особенно среди прекрасной половины человечества. Артист страдал не только в дневное время. Ночью, когда нормальным людям снятся всякие глупости, артисту Лаеву грезились роскошные лохматые патлы и упоительные кудри цвета вороньего крыла. Нико пытался перехитрить природу, употребляя самые новейшие, самые эффективные средства. Все они носили названия, тут были и «Кармазин», и «Биотол», и «Биокрин»,

но Лаев мрачно думал, что все их надо было бы назвать одним словом «Мираж». Так же не везло и с париками. Эти предательские сооружения спадали под некультурный хохот аудитории.

Однажды вечером за кулисы пришел незнакомый мужчина. Он повертелся в гримерской, ткнул пальцем в лысину Лаева и строго сказал:

— Некарашо. Фи. Ви приезжать ко мне. Я вам помогай.

Мужчина вручил остолбеневшему певцу свою визитную карточку и ушел. Знакомые, владевшие иностранными языками, перевели: «Филипп Пютэн. Вечные нейлоновые парики, ул. Лепик, 23, Париж».

В мае того же года скорый поезд вез Нико во Францию. Пока туристы закупали на полустанках мелкую сувенирную дребедень, Нико отсиживался в купе. Он берег валюту для встречи с Пютэном.

В конце концов великий миг встречи певца с прекрасной стюardиссой Франции состоялся. Содрогаясь всем телом, артист нырнул в такси, отколовшись от тесной туристической стаи, и знаками велел шоферу ехать на улицу Лепик. Только там он оценил всю точность изречения: «Если хочешь быть красивым, страдай». Скупердяй Пютэн вживлял волосы без наркоза! Так было экономней. Кроме того, процедура была не только мучительно дорога, но и тяжела морально.

Зато уж шевелюра получилась на диво. Дела певца сразу же пошли в гору. Скоро он снялся в фильме, где, одетый в тельняшку с подкладной ватной грудью, пел жестокие морские романсы. Теперь от поклонниц приходилось удирать чуть ли не по пожарным лестницам, и, надо сказать, это нравилось кумиру эстрады.

В тот памятный зимний вечер солист трижды спел песенку «Аморе» (что, как известно, означает по-итальянски «любовь») и улизнул из клуба через запасную дверь. Во мгле переулка уютно улыбнулось изумрудное око такси, вызванного заранее. «Спасен», — с облегчением подумал Нико.

Бац! Какая-то веревка, как лассо, захлестнула впалую грудь артиста. Шлеп-шлеп — и тело певца окутали тугие веревочные петли.

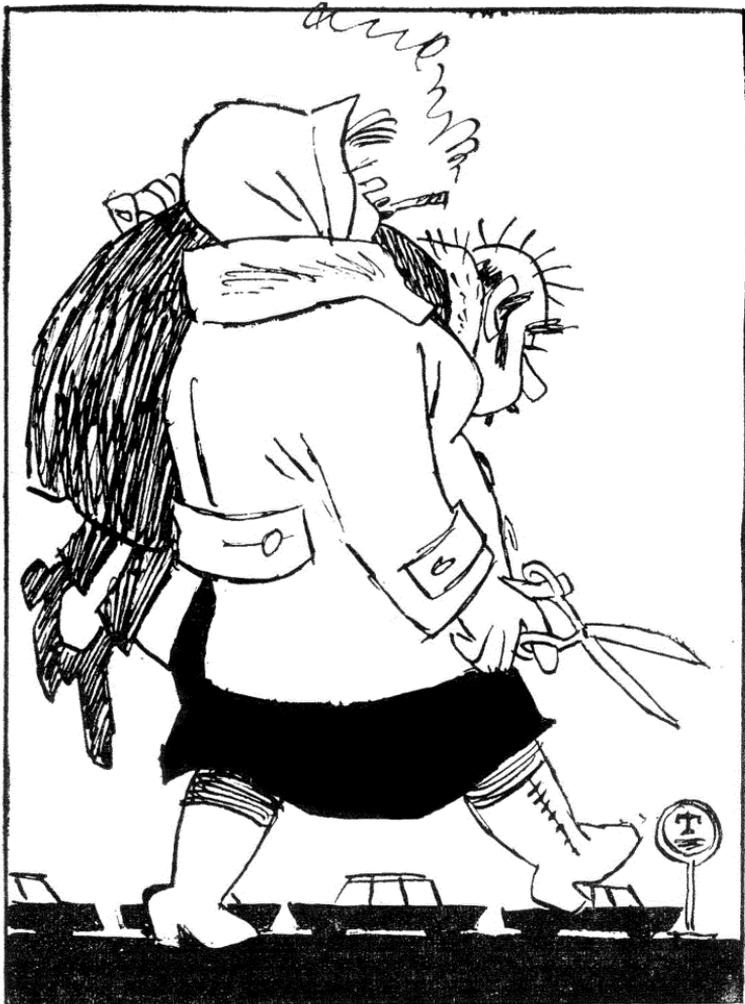
— Девочки, сюда, — завизжал кто-то. — Готово!

Солист, связанный, как кольцо краковской колбасы, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Словно в чаду, словно в кошмаре над ним склонилось чье-то длинное лицо.

— Караул! — прошептал певец.

— Аморр... — каркнуло лицо. — Сувенирр...

В молочно-кисейном лунном свете певец с ужасом увидел что-то металлическое. Ржаво щелкнув, канцелярские ножницы отхва-

тили кусок изумительной шевелюры... Целуя нейлоновые кудри, поклонницы теснились над распластанным кумиром и вырывали друг у друга ножницы.

— Дай и я, дай и я, — кричали фанатички. — Отрежь и мне кусочек.

— Неvezды! — грудным тенором орал солист. — Идиотки! Это ж нейлон... Спасите...

Когда шофер заказанного такси — женщина атлетического сложения разогнала поклонниц, Лаев был без сознания. Одинокй запорожский хохолок ниспадал на чело певца. Водительница подобрала с асфальта ножницы и посмотрела вокруг. Крак! Последний нейлоновый чубик исчез на могучей шоферской груди.

— Аморе, аморе... — басом запела таксистка и, втащив бесчувственное тело знаменитого клиента в машину, нажала на педали...

ГЕОГРАФ

В вагон-ресторане встретились два земляка, возвращающиеся из столицы. Один уже поедал шницель, другой только что вошел, как раненый лев, припадая на левую ногу и оглядываясь.

— А-а-а, Мишаня! — крикнул вошедший. — Не занято за твоим столом?

— Садись, Петя! — пригласил трудившийся над шницелем. — Поболтаем. Постой, постой. А что это у тебя с ногой?

— А что у меня с ногой? — Петя заказал пива под бутерброды. — Ничего у меня с ногой. Споткнулся. Много ходил.

— С командированными это бывает, — отозвался Миша, прожевывая. — Да что ты все оглядываешься? Гонятся за тобой, что ли? Ты лучше посмотри: какая красавица!

— Где красавица? — Петя оглянулся. — В чем? Та, в черном?

— Да нет, ты в окно смотри. Столица, я говорю, у нас какая красавица!

За окном убежали назад, в сторону Курского вокзала, свеженькие московские новостройки.

— А-а, это верно, Мишель. Это ты правильно говоришь: красота на все сто. И комфорт, комфорт!.. Помещения новые сделали, удобство, форму им новую дали...

В окнах показался белоснежный жилмассив. Заходившее солнце пышно красило его в сочные розовые тона.

— Форма? Форма действительно новая, — подтвердил Миша. — Смотри! Смотри! Совсем новехонький массив, мало изученный даже москвичами.

— Ну уж и неизученный.— Петя приступил ко второму бокалу.— Так и неизученный. Во-он то многоэтажное здание...

— Да-да,— восторженно подхватил Миша,— стремительно уходящее в небеса...

— В нем кафетерий «Синяя птичка». Впуск посетителей до десяти, по субботам — до одиннадцати... Такси не достанешь, но метро туда уже провели, почти рядом. Там «Плиска»...

— Картинка! — перебил Миша, вынимая из пиджака планкату.— Планомерная застройка юго-востока. А что делается на другом конце города! Воображаешь, вчера возили нас смотреть Мазилово!

— Мазилово,— как бы про себя отметил Петя.— Двести семьдесят шестое отделение...

— Связи?!— изумился Миша.— Как быстро они успели. Казалось, вчера еще было голое место, а сегодня уже и отделение!

— Точно,— подтвердил Петя.— Точно, Мигуэль. Именно отделение.

— Да, да! Саженьи шаги эпохи. А третьего дня прогуливались мы, братец ты мой, по Новому Арбату. Вот это, доложу я вам, силища. Светлое царство бетона и стекла...

— Как в аквариуме.— Петя покачал головой.— Это, Михель, правильно. Шашлычная там вся насквозь из стекла. И метрдотель тамошний мне знаком. Опричник, М. Скуратов...

Петя с тихим стоном погладил левую ляжку.

— Как ты говоришь его фамилия?! И что ты, собственно, вкладываешь в слово «опричник»?

— Это не я вкладываю, это он вкладывает. Отдельным посетителям. А так — согласен. Царство света и воздуха, досадно покидать...

— Вот, вот.— Миша пригорюнился.— Абсолютно справедливые слова. Жаль расставаться. Как быстро промелькнуло это время. Столько мы еще интересных мест не посетили, не познакомились как следует быть с новой географией этого замечательного города... До свиланья, Москва-река!

Поезд въехал в решетчатые фермы и застукотил колесами, как оглашенный, летя над закатным багрянцем извилистой реки. К центру города бежал по волнам резвокрылый кораблик.

— На парк культуры и отдыха пошел,— заметил Петя, чуть слышно скрипнув зубами.— Куль-ту-ра! Сервис на кораблях никудышный: кроме пива — ничего. Зато в парке! — Петя потер затылок.— В парке тоже, как его... Там, кстати, какое же? Ага, пятьсот восьмое...

— Даже в парке отделение связи?

— Да при чем тут связь? Отделение, оно и есть отделение... А

бывают еще районные отделы. Это в районе. Эх, как в чаду, как в бреду...

Петя с трудом топнул правой ногой и принялся за другую бутылку.

— Постой, постой! — сказал Миша. — Что это ты бормочешь? Какие еще отделы?

— Эх! — Петя встал во весь рост, охнув и схватившись за бок. — А тоже мне, пишут: мол, она меня бережет. Три ха-ха! Й-я люблю тебя, жизнь... — Петя рухнул на стул и сжал голову руками. — Охо-хо... Эти мне москвичи...

— Ты, брат, какую-то чепуху мелешь, — обиделся Миша. — Москвичи — изумительно гостеприимный народ.

— Гостеприимные? — Петя вновь встал, постаравшись сделать это как можно безболезненной. — Это уж точно. Уж это верно. Такие гостеприимные! Я из-за ихнего гостеприимства на лишние полмесяца задержался в столице нашей Родины. А Боря Фтичкин? А Котов? Да ты их спроси, они в бесплацкартном едут, а меня за пивом послали, раз им выйти не в чем...

— Как, и Котов здесь? — поразился Миша. — Ему же давно пора было быть дома.

— Тут. И Братченко тут и Сажин. Все. У них вчера срока кончились. Командиррровок... Хотели, правда, еще нас задержать: погостили бы, говорят, еще малость, может, на пользу бы пошло!

— Да, да! — мечтательно воскликнул Миша. — Меня также мои новые друзья задерживали, даже упрашивали отстать от турпоезда, звали посмотреть еще один экспериментальный микрорайон, в южной части Москвы.

— Это в Чертанове-то? Тоже мне, Америго Веспуччи. Пивной зал «Цап-Царап», бригадир официантов — боксер первого разряда...

— Смотри-ка. — Миша даже закрыл план-карту. — Ты город и впрямь отлично знаешь. Но, держу пари, ездили мы знакомиться с Ховрином...

— Шестьсот девяносто первое, — твердо сказал Петя. — Дежурный исключительно гостеприимен, да и начальник отделения весьма, так сказать, отзывчивый человек. Я, говорит, о вас на работу отзыв напишу... Да, очень, очень поразительный начальник! Вы, сказал, даже меня поразили...

Петя вздохнул и вылил в бокал остатки пива из четвертой бутылки. Давно кончилась столица, и пролетел в прошлое Серпухов. В вагоне дали свет.

— А что это у тебя под глазом? — спросил Миша. — Это, белое?

— Пудра, — сказал Петя. — Пудра, Микаэлло. Играли мы в преферансик в одном уютном гостиничном номерке, в районе Останкино. Я, видать, разъярился, ну, партнер меня по мор... Впрочем, Тула. Я по перрону пройду, может, там пива ребятам куплю.

Через пять минут Миша услышал с платформы чьи-то страшные выкрики, вздохи и даже мычание. Мимо вагона прошел Петя под руку с рослым станционным постовым. За ними шествовали свидетели...

— Так вот что, — строго сказал Петя, останавливаясь у раскрытого окна. — Вот что, Майкл. Как приедешь, позвони подруге моей жизни Зине. Дал тут одному интеллектуалу по шляпе. Так что несколько задержусь.

— Суток семь, Петр Витальевич, — сказал постовой. — Не более. Как в прошлый раз.

— Считай, все десять, — возразил Петя. — Егор Борисович все еще заседает у вас в райсуде? Строговат, строговат. Излишне, я бы определил, принципиален. Ну, пройдем. В десятое отделение? Это недалеко, за пакгаузом, налево и два квартала.

— Три, — поправил постовой. — Нас вчера в новое здание перевели.

— Во, шаги саженьи, — обрадовался Петя. — Прогресс!

СЛУЧАЙ У СБЕРКАССЫ

Около шести часов пополудни мне позвонил мой друг-поэт и заявил:

— Можешь поздравить. Я-таки выпустил из них сок!

Лучший в мире магнитофон не смог бы воспроизвести все оттенки этого заявления. То был вздох Георгия Победоносца, вынимающего копьё из дракона... Год назад поэт вверг себя в пучину жилтоварищества, в мир тайных заседаний правления, запасных списков и «левых» кандидатур. Я понял, что поэт все-таки принят в пайщики ЖСК «Калькулятор».

— Поздравляю, — кривя душой, сказал я. — Завтра я к твоим услугам.

Как прозаик, я понял, что другу-поэту требовалось не столько идеалистическое сопереживание, сколько вполне материальные денежные знаки. Именно то, что я был должен ему уже в течение известного и весьма длительного времени.

— Мне страшно стыдно, — извивался на своем конце провода

этот интеллигент, — но жеребьевка назначена на утро, а велели прийти уже с квитанциями об уплате, и я тебя умоляю...

Я представил себе, сколько ему уже пришлось умолять всяких лиц, и, назначив свидание у «России», выбежал на вокзальную площадь. Там в слепой надежде на чудо колыхалась самая длинная очередь в мире, очередь на такси. И вообще все шло по закону максимальной гадости. Сберкассы вот-вот закрывались; книжка, понятно, была дома; касса, ясно, в другом направлении, а «Россия», разумеется, в третьем.

Я кинулся к десятку таксистов, занимавших эластичную оборону в ожидании талдомского экспресса.

— Тебе куда, папаня? — ласково спросил один, наскоро пожирая бутерброд с котлетой. — На юго-запад? Трояк дашь? Ну, ладно, подберу «парашютистов» из Талдома — и айда!

Через пятнадцать минут мы мчались по городу, с треском рассыпая в разных местах приезжих с мешками и составные детали авто. Машина таяла, что рафинад.

— Ты не бойсь, дед! — перекрывая свист ветра, каркал водитель. — Я на этом драндулете, может, самого Эсамбаева возил...

Минут через сорок мы забрали сберкнижку и продолжили ралли к кассе. «Десять минут туда, пять минут на операции, — считал я, — двадцать до «России»... Хрррься! Наш тарантас влетел в пещерную выбоину у самой сберкассы. «Шеф» выскочил из мотора и стукнул кулачком по скату, вызвав тонкий, певучий звон.

— Беги! — крикнул водитель, заразившийся накалом состязания. — Я за тобой мигом...

Преодолевая астигматизм на два глаза и крутой склон, я достиг дверей. Уфф!.. Не висел на них гадкий замок. Я дернул, дверь была вроде не заперта, но и не открывалась. Я понял, что ее держали изнутри. На двери читалось крупное: «С 8-30 до 20».

Дверь выпустила вкладчика, и я сунул ботинок в проем.

— Запираем, гражданин, — с отвращением сказала заведующая. — Читать умеете?

Не вынимая обувь из двери, я прочитал другое крохотное объявление: «Сегодня сберкасса закрывается на час раньше».

Выпущенный из двери вкладчик с интересом наблюдал за мной. Это меня подстегнуло. Дрожа, протянул я сберкнижку, говорил, кричал, настаивал, молил... Твердил, что я их самый старый вкладчик, что еще есть пять минут и что я не задержу...

— Как это не задержите! — возмутилась заведующая. — Мы не обязаны сидеть сутками. Свое время вы, небось, цените...

И тут появился милиционер.

— Вы здесь что бушуете, молодой человек? Я вас задержу.

Я видел свое отражение в дверном стекле и понял, что ко мне действительно надо применить санкцию. Такой я был растрепанный, подозрительный. Мертвым голосом я пояснил сержанту ситуацию.

— Сочувствую, — искренне сказал милиционер. — Но они не откроют, хотя лично я бы впустил. Это же не в продмаг за бутылкой...

— Минуточку! — вдруг сказал выпущенный из двери вкладчик. — А много ли вам не хватает?

Я чисто автоматически назвал сумму.

— Возьмите у меня, я кое-что снял с книжки, но нужно мне будет только завтра...

Я улынулся, ничего не сознавая. Я думал, что все это сон. Но незнакомец упорствовал, протягивая деньги.

— Не совсем понимаю, — пробормотал я. — Не зная человека...

— Да бросьте вы! — начал злиться незнакомец. — Достаточно взглянуть на вашу физиономию, чтобы понять, что что-то случилось. А завтра в девять принесете.

— Возьмите же хоть сберкнижку, — сказал я и хорошо сделал, что не успел произнести подлые слова — «в залог».

— Вы лучше поезжайте, — сказал благодетель, — а то и туда опоздаете...

Я живо, по солнечному освещению, увидел долгоговязую фигуру поэта, пьяного от злости, шатающегося под аркой кино «Россия».

— Вот это да, — уже подъезжая к «России», сказал шофер. — Вот это да! Вы мне, наверно, не поверите, а я бы тоже дал. Только вот не знаю... Книжку бы, наверное, взял, — сознался водитель. — А так бы выручил. Вон тот, костистый, не ваш напарник?..

Я увидел поэта и понял, что произошло еще что-то кошмарное. Теперь это был не воитель-победоносец, не гунн, а спущенная шина.

— Все погибло! — слегка завывая, продекламировал друг. — Сегодня все сберкассы закрылись на час раньше. Я не успею внести. Я так и знал. Это козни секретаря правления. Это он так устроил и нарочно всех оповестил за два часа...

* * *

Конец истории радужен. На заре лирик прикатил в сберкассу, оплатил пай и кометой ворвался в аудиторию акушерских курсов, арендованную под жеребьевку ЖСК «Калькулятор». По рассказам, до его прибытия дело шло следующим «макаром».

— Ну-с, — опытно считая в уме непришедших, сказал председатель, — я вижу, что почти все в сборе, можно начинать...

Заранее сладострастно грея руки, секретарь правления внес в помещение черный ящик, одолженный у знакомого мага.

— Абонисимова! — скороговоркой выкрикнул председатель по списку. — Будкирь, Велькопельский, Гаранина...

Но тут, трясаясь, встала одна седовласая пайщица.

— Позор вам, Афтанабиль Михайлович, — таким устрашающим голосом сказала пайщица, что у секретаря началась внутренняя икота. — Стыд и позор! За что я сражалась на фронтах двух войн? Вы же видите, что многие не успели...

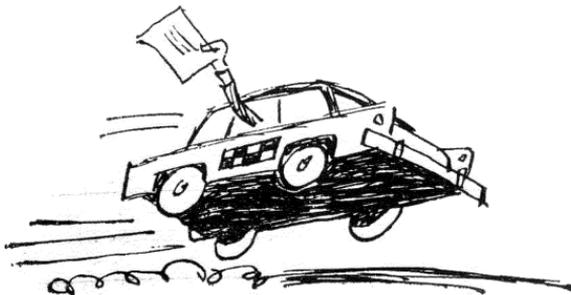
— Семеро одного не ждут! — крикнул с галерки верный клевет предсателя. — Жеребьюем!

Но пайщица еще более страшным голосом потребовала занести в протокол. И тут набежали опоздавшие, потрясая квитанциями об уплате. Поэт, естественно, вытащил первый этаж, но это уже, так сказать, фатум, судьба-индейка...

Я же демонстративно аннулировал свой счет № 2877 в описанной сберкассе. Я ожидал, что все бросятся, будут просить меня не делать этого, но ничего не случилось. Так же безразлично мне выдали книгу жалоб. Я сел перед ней и подумал: что я напишу в этой книге, где через каждые три страницы значилось бесстрастное: «Книга просмотрена, ревизор такой-то»?

И тогда я решил бесхитростно описать это истинное событие без обозначения фамилий. Координаты сберкасси и имя заведующей я не указываю из нежелания дискредитировать в целом замечательных тружеников этого поприща. Фамилию таксиста просто не знаю. Благодетель же сообщить свои анкетные данные наотрез отказался. Кто он? Неважно. Се человек...

Р. С. На вопрос, законно интересующий вас, отвечаю: одолженные мне деньги в сумме ста тридцати рублей возвращены неизвестному полностью.

цена 9 коп.

индекс 72996

